

Владимир Ашкенази, как и зрители, мучался от духоты.

Фото Артема Житенева (НГ-фото)

Независимая 8. — 2005. — 26 мая. — с. 7

Музыкальные редкости

Линн Харрелл и Владимир Ашкенази переосмыслили Шостаковича

Анна Ветхова

Пианист и дирижер Владимир Ашкенази — редкий гость в Москве. Немецкий симфонический оркестр Берлина, которым maestro дирижировал, как и солист — виолончелист Линн Харрелл, вообще приехали к нам впервые. Скарлатти, Шостакович и Равель — не самое типичное соседство композиторских имен на афише. Выбранные для программы сочинения — почти эксклюзив: а как иначе охарактеризовать две клавирные пьесы Скарлатти, прозвучавшие в версии Шостаковича для духовых инструментов и литавр, фортепианные циклы Равеля — «Гробница Куперена» и «Отражения» — в оркестровках самого композитора и современных аранжировщиков и Второй виолончельный концерт Шостаковича (тогда как все играют Первый)? Речь о концерте, состоявшемся в Большом зале консерватории в минувший вторник. Публика, заполнившая зал до отказа, мучилась от жуткой духоты (в БЗК, как известно, не только еще не приступали к ремонту, но так и не смогли найти возможность хоть как-то кондиционировать воздух). Однако практически никто не ушел, хотя завсегда таево-меломанов было не так уж много.

Концерт, безусловно, стоил того, чтобы вытерпеть дискомфорт. Немецкий симфонический оркестр Берлина — качественный коллектив, с сильными духовиками (не чета нашим,

как бы они ни старались) и сухой струнной группой (а вот по части певучести и насыщенности звучания российские оркестры дадут фору многим европейцам). Впрочем, такое сочетание — не только типичный европейский коленкор, но и стиль именно этого коллектива, который с момента своего основания (1946) делает ставку на исполнение музыки современной, а не классики и романтики. Сегодня этим берлинским симфом руководит Кент Нагано, а Ашкенази общался с музыкантами этого ор-

кестра в течение 10 лет еще в годы разьединенной Германии и покинул свой пост — так совпали жизненные и общественные события — в год падения Берлинской стены.

Пожалуй, самое сильное впечатление от Немецкого симфонического — блестящая ансамблевая игра, когда четкость линий партитуры выверена до микрона, когда ясно голосоведение в каждой группе и баланс между ними настолько хорош, что ощущаешь физически, как и из чего рождается тембр оркестра. Это ощущение сродни слышанию звука и всех его обертонов одновременно и по отдельности, как впечатление от выбранной художником

цветовой палитры и сделанной им с использованием данных конкретных цветов картины.

Виртуозно исполненные пьесы Скарлатти предполагали избранные цвета деревянных и медных духовых инструментов (с подключением литавр), однако музыкантам удалось задействовать весь спектр (предложенных для оркестрового варианта Шостаковичем) оттенков, играя не просто фразы отдельными приемами, но играя самими фразами. В Равеле, где сама оркестровка произведений невероятно колористична, по-им-

тизм — здесь всему находится свое ключевое место. Но в интерпретации музыкантов доминировали эпика и лирика. И даже во второй части. А ведь там композитор дает в столь свойственной ему манере «говорящую цитату» — в данном случае из песенки «Купите булочки». Думается, что тон интерпретации задавал Линн Харрелл — музыкант с поистине волшебным прикосновением к инструменту. Когда его слушаешь, невозможно понять, происходит ли прикосновение смычка к струне: кажется, что

Кажется, что звук рождается сам собой и течет, как масло

преессионистски богата «состояниями цвета», Владимир Ашкенази и его подопечные показали верх мастерства, сохраняя прозрачность в звучании даже в самых насыщенных, кульминационных моментах, нигде не потеряв ощущение воздуха.

Второй виолончельный концерт Шостаковича оставил неоднозначное и очень своеобразное впечатление. Но здесь, как кажется, — своя история. Этот концерт, написанный 60-летним композитором, увел исполнителей в сторону философских эпических размышлений и лирических высказываний. Однако Шостакович не идет только в этом направлении: ирония, гротеск, драма

звук рождается сам собой и течет, как масло. Харрелл — очень чуткий к нюансам исполнитель, заставляющий виолончель не только петь потрясающе красивым тембром, но и говорить. Однако он не может показать ужас, безобразие, издевку: этого, как кажется, просто нет в его внутреннем ощущении мира. Харрелл гармоничен, как художник Ренессанса, и Шостакович в его интерпретации получился глубоким лирическим философом, изысканным языком рассказывающим нам о мире. Очень неожиданно. Но, как произведение исполнительского искусства, такая интерпретация не может не впечатлить.

■